

КОНДИТЕР ИВАНА ТРОЗНОГО

ПАВЕЛ СМОЛИН

Кондитер Ивана Грозного

Павел Смолин

Кондитер Ивана Грозного

«Автор»

2026

Смолин П.

Кондитер Ивана Грозного / П. Смолин — «Автор»,
2026 — (Кондитер Ивана Грозного)

"Булочный король" подмосковного города N, пожилой миллиардер Петр Степанович Рябов пал жертвой современных технологий и очнулся в 1553 году. Вокруг - Средневековая Русь, на престоле - Иван Грозный, буквально на днях была взята Казань, где-то вдалеке маячит Смута, а наш герой, ныне - юный поваренок-грек Гелий, должен выжить и преуспеть в этих непростых условиях. Что ж, толковый человек везде найдет возможности, а средневековые русичи поди эклеры не хуже своих потомков трескать любят! P.S. Аутентичной XVI веку речи здесь не найти, но я стараюсь придавать колорит.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Павел Смолин

Кондитер Ивана Грозного

Глава 1

Воскресная служба закончилась, и жители Подмосковного городка N потянулись кто на парковку, кто на остановку, а кто – прогуляться по зеленым, залитым ласковым летним солнышком дворам.

Среди последних по потрескавшимся тротуарам направился к дому Петр Степанович Рябов, шестидесятитрехлетний, не шибко верующий, но считающий правильным ходить в церковь бизнесмен. Отучившись в свое время на кондитера, печь торты «для дяди» Петр Степанович почти сразу устал и решил попытать счастья с собственной кондитерской. Теперь, спустя добрых три десятка лет, кондитерская превратилась во всероссийскую сеть «Степаных» с годовым оборотом в пару миллиардов и планами на экспансию в Китай – там небось тоже булки с пирогами любят.

Придя к успеху, Петр Степанович плотно проникся купеческим этикетом дореволюционного образца и за свою жизнь успел заслужить уважение всего городка, для облагораживания которого не жалел личных денег. Регион, даром что до столицы рукой подать, здесь депрессивный, и только благодаря патристичному миллиардеру город мог похвастаться отремонтированными поликлиниками с полным комплектом толковых специалистов, симпатичными сквериками, шикарной трехкилометровой набережной и социальными лифтами для молодежи, которым Петр Степанович через оформленный на его жену фонд оплачивал учебу и устраивал на свои предприятия.

Усевшись на лавочку, «булочный король» города N достал из портсигара сигарету, сунул в рот и прикурил от протянутой проходящим мимо земляком зажигалки:

– Спасибо.

– Тебе спасибо, Степаных, – сверкнул золотыми коронками мужик и пошел дальше.

Откинувшись на спинку, Петр выдохнул в крону клена облачко дыма. Домой идти не хотелось, и причина этого в двух сыновьях. Двух избалованных великовозрастных лодырях, которые никогда ни в чем не нуждались, но почему-то все равно обижены на весь мир.

Даже странно, что с Людкой не развелись – тогда, когда Антона кое-как «выкупить» у полиции после той драки получилось, казалось, что все – пропала семья. Молодец она все-таки – столько лет вместе, а наорала на него она тогда впервые. Он даже разозлиться не смог – только удивлялся, вон как она оказывается умеет.

Докурив до половины, Петр Степанович выбросил окурочок в урну – его собственный инновационный способ экономии остатков здоровья! – и все-таки пошел домой. Что есть, то есть – сам виноват, что пацанов из-за работы без выходных и отпусков упустил. Считаю – наказание за собственный педагогический провал.

Переходя дорогу, Петр Степанович услышал слева странное жужжание, ожесточенный звук похожего на велосипедный звонка и ощутил резкий удар. Ноги оторвались от земли, и, прежде чем встретить затылком бордюры и умереть, Петр Степанович успел пожалеть о том, что поленился пролоббировать запрет электрических самокатов в городе N.

***

Щеку обожгло, и я открыл глаза, увидев лишь подернутый кровавой пеленой светлый туман, который отозвался чудовищной болью в голове и заставил худо-бедно прийти в сознание. Помню – самокатчик сбил, а я, получается, в больнице. Ой хана ему – Палыч, юрист мой,

такого не простит. А если придурок окажется несовершеннолетним, это еще лучше: посидит на «малолетке» годик, и может быть научится жить в обществе, не сшибая добрых людей.

– Этот живой, – словно сквозь толщу воды я услышал мужской голос.

А может и не больница, а прямо там же, на тротуаре лежу с сильным сотрясением.

– И чего в Туле в покое не дождаются? – раздался еще один голос.

Как-то странно звучит: вроде и понятно, но совсем не так, как я привык. Может это из-за сотрясения?

– Государь головы сымет, – раздался третий голос.

На лицо полилась ледяная вода, и, закашлявшись от попавшей в горло струйки, пережив чудовищную вспышку боли в трясущейся от кашля голове, я понял, что мешающая видеть дымка отступает.

Может ли сотрясение мозга нарядить окружающих меня людей в подобные изображаемым на картинах про богатырей кольчуги, шлемы, панцири и сунуть им за пояса мечи? Способно ли сотрясение мозга «перенести» меня в холодную грязь рядом с тихо журчащим ручейком, заслонив небо ветвями берез?

– Ты с лывы-то [*из лужи] его вынь, Василий, – сказал стоящий позади всех «богатырь».

В его наряде больше всего красного. Командир, наверное.

Сидящий слева от меня на корточках «богатырь» по имени Василий аккуратно потянул меня за руки, пытаясь придать сидячее положение. Голова отозвалась новой вспышкой боли, сквозь которую я с трудом разглядел на усатом, бородатом, мокром – в ручье умывался, наверное – лице Василия улыбку и услышал обращенные ко мне слова:

– Недарова [*не зря] ахлипестнул [*дал пощечину], а? Вонный свет [*загробный мир] поди зрел уж. Почитай – вдругоряд на травушку упал [*родился].

– Не понимаю, – простонал я. – Вы кто?

– Государевы люди, – важно ответил Василий, и бережно перетянул меня из грязи на травку. – Ты – повар?

– Кондитер и бизнесмен, – отреагировал я на знакомое слово.

– Тьфу, немец, – почему-то расстроился главный «Богатырь».

Изменившееся поле зрения позволило увидеть страшную картину: в ручье и по обоим его берегам, пачкая жизнерадостно-зеленую травку вытекающей из ран кровью, лежали трупы одетых в грязные лохмотья людей. Отдельно, рядком, лежали утыканные стрелами трупы людей одетых хорошо. Один из них так и вовсе при жизни красовался отороченными мехами рукавами. Несколько «богатырей» спокойно и методично шарили по одеждам и тех, и других.

Василий едва успел увернуться от мощной струи рвоты из моего рта, а вот брюки придется стирать. Стоп, а где брюки? Что это за странные, плетенные невозможными для самого никчемного китайского контрафакта крупными, неровными нитями, широченные серые портки? И что это за красные сапоги с изогнутыми носами на моих ногах? Подняв к глазам дрожащие руки, я неверящими глазами уставился на загорелые, худые руки с длинными пальцами.

ЭТО НЕ МОИ РУКИ!

Это осознание стало последней каплей – выбрав между панической атакой и отключением, мозг милосердно активировал второй вариант, и я погрузился в теплую, дарящую покой, тьму.

***

Это невозможно! Вот эта охапка сена подо мной, скрип ползущей по убитой колеями «грунтовке» телеги, странный, в целом понятный, но наполненный незнакомыми словами и архаизмами разговор возницы-Петра с «богатырем» Василием, эти едущие рядом верхом дру-

гие «богатыри» и вторая, нагруженная трупами, телега – всё это попросту не может существовать в двадцать первом веке!

Я был бы счастлив, если бы все это оказалось коматозным бредом, но... Запахи, звуки, колющиеся сквозь мокрую – меня немножко отмыли – одежду соломинки, полный шелеста, хруста и пения птиц лес, через который мы едем и страшная, не отпускающая боль в голове, заставляющая мысли путаться – все это сразу, в полном объеме, человеческий мозг даже в самом горячечном бреде вообразить физически не способен!

Как ни странно, больше звуков и запахов имеющихся, меня напрягали отсутствующие: после целой жизни в окружении автомобилей, поездов, тихо, незаметно из-за привычки гудящей бытовой техники и проводов ЛЭП окружающий мир казался неуютно-тихим и от этого чуждым.

Мне приходилось бредить от высокой температуры, мне случалось напиваться до «отключения», мне прилетало по голове в дурных драках по студенчеству, я от этого терял сознание и потом «наслаждался» тяжелым сотрясением, но никогда ничего подобного мозг не генерировал.

Это невозможно, но это – реальность, которую я в полной мере ощущаю, обоняю и осязаю. Видится, обоняется и осязается, кстати, совсем не так, как раньше. Никогда не чувствовавший вредной заразы-табака нос вычленяет малейшие нотки запахов: мокрая земля, неприятный, тяжелый, «кروавый» запах мертвецов с телеги, когда ветер дует в нашу сторону, аромат лесных цветов, нотки металла от доспехов «богатырей» и даже почти неосязаемые миазмы звериных экскрементов.

Глаза видят настолько четко, что моим старым линзам и не снилось, и если бы мне не было так страшно и больно, я бы этому даже порадовался. Изменилось и осязание – переложив привыкшего к ортопедическому матрасу меня на солому раньше, я бы ворочался и материл того, кто придумал такую хрень, а сейчас – ничего, как будто привычно.

После обморока я очнулся прямо вот так – лежа на телеге и ощущая на ноющем, украшенном синяками и разбитой губой лице теплые лучики пробивающегося сквозь листву солнца, под разговоры «богатырей». Они то ли не заметили, что я пришел в себя, то ли решили не лезть, давая возможность осмотреться и прислушаться, но я рад, что эти люди ко мне не лезут.

Страшно. Насколько страшно мне было лишь один раз, когда конкурент решил воспользоваться внерыночными методами, и люди с горным акцентом среди ночи выломали дверь, немножко меня побили и прямо в трусах упаковали в багажник, достав через сорок минут – я считал секунды в голове – посреди леса. Благо август был, а то пришлось бы мерзнуть. Ну и могилу себе копать в мерзлой земле трудно.

Помогла «крыша». Уж не знаю, как бывший майор КГБ и актуальный начальник охранного агентства меня нашел, но такой радости, как тогда, стоя на кромке ямы под направленным на меня «ТТ» услышал рев мегафона и увидел свет фар десятка машин, я никогда больше не испытывал.

Потом, когда я рассказывал эту историю некоторым своим знакомым, все как один заявили, что лучше бы попросили шлёпнуть себя на месте, а не стали «унижаться» копая себе могилу. Ну-ну, знаем мы таких – в уюте ресторана, никогда под такие «молотки» не попадая, легко быть смелым, а на деле...

Страшно мне от того, что я определенно попал в прошлое – это не реконструкторы нифига, а всамделишные «богатыри». Как оно там в учебнике истории было? «Служивые люди». Профессиональные воины, подчиняющиеся не абы кому, а ГОСУДАРЮ!

Забывая на попытки вычленить значения непонятных слов, я жадно ловил обрывки разговоров, в девяти случаях из десяти понимая их смысл. Не так уж и сильно изменился язык, если подумать – как минимум с жителями этого времени худо-бедно изъясняться я смогу.

Смогу, но не хочу. Очень не хочу, но неизбежно придется – к этому самому Государю меня сейчас и везут. В Москву, значит Государь на троне сидит как минимум Иван Калита, как максимум... Кто там был до Петра? Не помню, но бороды у моих сопровождающих завидные, значит такой примерно временной промежуток и есть: от Калиты до первых Романовых.

Везут меня к Государю по простой причине: те трупы на телеге и я были им «выпишаны» из Османской Империи – Турции, если по-простому. Главным в нашей группе был вон тот упитанный труп в богатых шмотках, который путешествовал со слугами, сыном-помощником (это я) и малой охраной. Последняя согласно договора проводила нас (хотя каких нафиг «нас»?!) Я-то здесь причем?!) до Тулы, где нам надлежало ждать вот этих вот «богатырей».

Как мы... Да какие «мы»?! Как они оказались на лесной дороге в четырех десятках верст от Тулы, «богатырям» было неизвестно. Я на всякий случай сложил «легенду»: главному повару Тула настолько не понравилась, что он решил выехать в Москву немедленно. Правда ума не приложу, как ее излагать «богатырям», а тем более – Государю: моя речь сильно отличается от нынешней русской.

Короче – ситуация аховая: вокруг средневековье, а значит люди здесь суровые, и реакция на все странное и непонятное у них предельно логичная: при самом мягком раскладе выгнать нафиг из обжитых мест, как максимум – подвергнуть страшной, долгой и мучительной смерти. В масле сварить, например. Или колесовать. Или чисто ради убийства времени на дыбе порастягивать...

Зажмурившись, я проклял свое слишком живое воображение и начал брать себя в руки. В тонкие, но жилистые и мозолистые, явно привыкшие к труду руки подростка лет пятнадцати. Встать и оценить рост я не могу, но на «выпуклый глаз» где-то метра полтора. «Богатыри», кстати, тоже ростом не отличаются – самого высокого (того самого Василия) я бы оценил примерно на метр шестьдесят пять.

Внезапно я словил озарение, которое заставило померкнуть страх. Я снова молод! Да, сейчас мне больно, тошнит и страшно, но... Это невероятная удача! Кто в старости не мечтает помолодеть? Вставляйте вон туда, под табличку «место для врунишек». Что-то как будто зудит в голове. Что-то, что случилось у ручья. Странно – времени всего-ничего прошло, а вспоминается трудно. Объяснимо – шок еще и не такое умеет.

Подняв руки, я загородил пронзительно-синее небо ладонями и внимательно осмотрел их. О, вот здесь и здесь – следы от ожогов. Этот вот, на безымянном пальце, самый свежий, полугодовой примерно давности. Мальчик, в чье тело я по неизвестным причинам угодил, много работал с огнем и кипятком, время от времени обжигаясь и обвариваясь. Уверен, на теле я тоже найду немало следов. Старых – мальчик учился на своих ошибках, и ожогов становилось все меньше, вплоть до полного их отсутствия в последние месяцы.

Индукционных плит, блендеров, духовых шкафов и прочего кулинарного «хай-тека» я здесь не найду, придется орудовать котелками, очагами, горшками и печью. Справлюсь? Должен. Не могу не справиться. Ушибленного напавшими на нашу (хрен с ним, пусть будет «наша») группу разбойниками, странно говорящего и не все понимающего поваренка на Государеву кухню не определяют, но все-таки я (надеюсь!) прохожу по категории «иностранный специалист малой квалификации».

Вот уж не думал, что буду благодарен маме за то, что когда мне было восемь, она развелась с отцом и вышла замуж за турка с греческим гражданством. Там, в Греции, я и жил до тех пор, пока не получил диплом и шанс вернуться домой. Нормальный мужик мой отчим был, но это я сейчас понимаю, а тогда я его натурально ненавидел. И как он меня вытерпел вообще? Сильно маму любил, видимо. Как бы там ни было, но я знаю греческий и турецкий – подтвердить «басурманское» происхождение хватит. Первый вообще может стать моим козырем, потому что знаю я не только «современный» греческий, но и Цаконский диалект, который на правах факультатива преподавали в моей «шараге» и туда записалось меньше всего греков,

которые, если честно, мне не нравятся. В нем много архаики, а значит как-нибудь выгребу. Главное сейчас как-то отбрехаться без попадания в фатальные проблемы, а там кому-нибудь поваренок с зачатками «толмача» сгодится, буду спокойно себе кашеварить, переучивать русский язык на актуальный, а потом...

Даже гордость берет, мать его! Вот оно, главное качество, которое позволило мне стать миллиардером – я не могу спокойно плыть по течению, я все время строю планы и методично воплощаю их в жизнь.

Вызванное осознанием дарованной мне молодости воодушевление начало стремительно уходить, сменившись мыслями о том, что где-то там, в другом времени и возможно пространстве (может Государь здешний вообще не является привычной мне исторической личностью, и весь мир совсем другой), над моим трупом рыдают Люда и сыновья. Последние при этом радуются скорому получению исполинского наследства и мечтают о том, как мощно они лет за десять спустят все нажитое мной в унитаз. А вот о том, что после этого им придется сесть обратно на шею Люде, которая свою половину капиталов не промотает точно, они не думают.

Стало очень-очень горько. Исполинские деньги заработал, а собственных детей нормальными людьми воспитать не смог. Не станет Люды – что будет с моими любимыми пекарнями? Разорят, промотают, продадут алчным конкурентам.

Прости, Людочка. За все прости. За месяцы, безвылазно проведенные в офисе и командировках, когда меня не было рядом с тобой. За сауны с проститутками и кутежи с деловыми партнерами – ну не получается иначе реально большой бизнес построить! И за смерть эту нелепую прости. Одна ты теперь с двумя ни на что не годными придурками. И вот за то, что они выросли вот такими – особое прости.

Прикрыв глаза, я ощутил, как по щекам побежали слезы. Эта боль посильнее той, что в голове.

Глава 2

Три дня и три ночи – срок небольшой, но за это время дикая боль в голове притупилась, унялась тошнота, а мечты о приеме у невропатолога испарились: не таким уж и сильным оказалось мое сотрясение. А может и не сотрясение это было вовсе, а что-то совсем другое, столь же мало поддающееся объяснению, как и моя странная реинкарнация с сохранением памяти и сразу в относительно взрослое тело, но, возможно, именно благодаря этому я с удивительной скоростью обретал этакий «фильтр», в который слова окружающих попадали на пути от ушей к мозгу. Очень, очень, **ОЧЕНЬ** полезный «фильтр», потому что он будто исправлял актуальную речь людей на привычную мне, «будущую» форму, и с каждым часом делал это все лучше и лучше. К сожалению, «фильтра» настроенного на «выдачу» мне не досталось: окружающим моя речь кажется странной, но для меня это не опасно – я же «иностранный специалист», и никто от меня блестящего владения нынешним русским языком и не ждал. Второй «фильтр» мне достался в наследство – мое новое тело привычно к запахам пота людей и лошадей и страшной вони изо рта всех без исключения собеседников.

Вчера я собрался с силами и забрался на самую высокую точку монастыря, выбранного нами для отдыха и ожидания богатырями дальнейших приказов – на колокольню. Монастырь велик, и, бродя по его дорожкам и постройкам я чисто в силу тесноты и спутанности всего этого даже примерно не представлял масштаба. Беленые стены окружали хаотичную вереницу жилых, хозяйственных и ритуальных построек. На стенах я заметил самые настоящие пушки и самых настоящих мужиков с "карамультаками". Не только собственно монастырь у нас здесь, но и более чем солидная крепость!

Дорога, по которой мы прибыли, неровной линией тянулась по монастырскому посаду – считай, деревне – и уходила в лесочек на Юге. Он же обступал монастырь с Юго-Запада и Юго-Востока. На север – речка, еще одна большая деревня с уходящей за нее (в лес конечно) дорогой, а в промежутке – колосающиеся, зеленые по случаю июля, поля. Пастораль, если не спускаться на грешную землю с высоты, поразительная, и будь я художником, я бы точно попросился посидеть на колокольне с мольбертом, а так придется слазить и идти на обед.

– Грек, значит, – внимательно изучив испачканное кровью письмо, найденное «богатырями» на теле моего начальника, почухал бороду настоятель монастыря.

Четвертый день моего пребывания в этом мире, время близится к полудню. Сидим за столом в обеденном зале монастыря. Я от настоятеля далеко, потому что местничеством увлекаются не только высокородные бояре. От настоятеля далеко, но и не на самом краю длинной лавки и не менее длинного стола: за мной сидит еще десяток человек, которые временно живут в монастыре. «Калики переходные» (они же – паломники) обладают статусом поменьше, чем подмастерье иностранного специалиста, которого «выписал» сам Государь. Такой же статус у не рукоположенных жителей монастыря: трудников (работают здесь за еду и «во славу Божию», к принятию монашества не стремятся) и послушников (эти к монашеству стремятся, и уже получили благословение носить подрясник, пояс и скуфью). Сейчас все они отсутствуют, занимаясь монастырскими делами – мы собрались здесь потому, что другого настолько же вместительного помещения не нашлось. К тому же обед скоро – его уже начали готовить, и почему бы не сократить лишние перемещения? «Выше» меня по рангу местные монахи, над ними – «богатыри», потому что Государевы люди. Им плюс-минус равны, с «делением» промеж себя по санам, местные сановники: от диаконов до игумена, который, собственно, настоятелем и является.

Лет ему относительно немного, чуть за сорок, но по местным меркам игумен Алексей считается стариком. Вид его и других мужиков средних лет заставляет меня внутренне содрогаться. Во рту Алексея отсутствует половина зубов, а остальные представляют собой

крайне печальное зрелище. Мои зубы пока целы, без единой червоточинки (по крайней мере настолько, насколько это можно разглядеть в том безбожно искажающем мутное изображение изделия, которое местные называют «зеркалом»), но я уже с содроганием жду тот день, когда мне придется столкнуться с актуальной времени стоматологией.

– Грек, Ваше Высокопреподобие, – подтвердил я.

– Гелий Бакас, сын Далмата, – продолжил настоятель.

Гелий Далматович Бакас – то еще имечко, но спасибо за то, что я знаю хотя бы его.

– Так, Ваше Высокопреподобие.

– Помолюсь за отца твоего, – пообещал игумен. – Похоронили? – повернулся к десятинику.

– Честь по чести, Ваше Высокопреподобие, – ответил тот чистую правду.

Похоронили на кладбище недалеко от крепостицы, где ночевали в первый день. Тамошний батюшка отпевал.

– Царствия Небесного, – перекрестился настоятель, и мы вместе с ним. – Тяжко без бабки-то придется, – проявил ко мне сомнительное сочувствие.

– Господь в беде не оставит, Ваше Высокопреподобие.

– На Бога надейся, а сам не плошай, – напомнил Алексей.

– Не оплошаю, Ваше Высокопреподобие, – пообещал я. – Отец мой великого таланта повар был, и меня учил на совесть. Кушать все любят, кому-нибудь да пригожусь.

Блин, говорил же себе не выпендриваться, а сам... Тяжело ментально перестраиваться на неотличимый от интерьера, молчаливый предмет – я таким вообще никогда не был, вот и полезло «великого таланта» и прочее, как реакция на нафиг мне не упавшее сочувствие.

– Правильно, – одобрил игумен. – Уныние – грех смертный, нос по ветру держать надобно. Ступай на кухню, найдешь там келаря, Никодем звать, он тебя к делу приставит. Потрудишься во Славу Божию, труд он от любого горя спасение.

Высунулся? Теперь иди подтверждай ценность своих слов делом – воздух-то гонять любой может. А я и докажу – неприятно мне на краешке стола сидеть, нюхать натуральных средневековых бомжей. В эти времена как никогда важна репутация, и пора начинать ее зарабатывать.

– Спасибо, Ваше Высокопреподобие.

Пройдясь вдоль остатков стола, я свернул в узкий, темный коридорчик, направившись на свет и усердно размышляя.

Сидеть настоятелю было неприятно – судя по тому, как он все время пытался устроиться поудобнее, его беспокоит геморрой, и это – не смешно, а страшно, потому что его лечить в эти времена не умеют. А еще в окружающем мире существуют туберкулезы, оспы, тифы и прочие неизлечимые в этом времени болезни. Да здесь даже такое понятие как «микробы» отсутствует!

Жить в грязи и вони мало кому приятно, но санитарные и гигиенические нормы находятся в зачаточном состоянии. В монастыре чистенько, но мыть руки перед едой никому и в голову не приходит. К счастью, местные знают о том, что нужно стараться пить кипяченую или изначально чистую воду, а не наполнять флягу из ближайшей лужи или речушки, в которую жители обнесенной частоколом крепостицы, в которой мы ночевали два дня назад, сваливают мусор и выливают нечистоты.

Только здесь я понял всю ужасающую правоту аксиомы «здоровье нужно беречь». Оно у меня, судя по тому, как хорошо и быстро заживает рваная рана на моем затылке, рассасывается гематома на лице, спадает опухоль на губе и улучшается самочувствие, близко к идеальному. Интересно, насколько быстро я бы помер, перенесись сюда в своем старом теле, пусть даже омоложенном? Или насколько быстро померли бы все, кого я наделил живительными микробами и вирусами из будущего? Может эпидемии чумы – пока никаких ее признаков я тьфу-

тьфу-тьфу не наблюдаю – так и начинаются, со сбоя во временном континууме? Или не сбоя, а напротив – умышленного замысла Господа.

От размышлений о «замысле» у меня кружилась голова. Зачем я здесь? Где список задач? Что будет, если я сделаю то, что от меня требуется? Я в той реальности все-таки умер, или сознание с памятью (душа, чего уж там) скопировались и перенеслись вот сюда, в тело гречонка шестнадцатого века? Было бы очень здорово – Люде не придется тянуть все одной, а у меня «тамошнего» останется достаточно времени, чтобы переписать сеть на совет директоров, выделив сыновьям пособие за бесполезность. И что будет дальше, когда умрет и это тело? А может реальностей бесконечное множество, и после смерти вот так «разбрасывает» по временам и странам вообще всех? Они все равно не расскажут.

Не знаю. Не знаю, но понимаю – нет, не «замысел», а то, что думать о нем смысла нет. Ответы на все вопросы либо придут ко мне сами, либо их попросту нет. Третий вариант – всё и так предельно очевидно: я буду как минимум стараться выжить и обеспечить себе хоть какой-то комфорт. Он в этом мире, как, впрочем, и прежнем, достигается социальным статусом и деньгами. Отличие лишь в технологиях и некоем базовом уровне в виде инфраструктуры, доступности и стоимости товаров и МРОТа. Нищета? Ха, да даже склонный к алкоголизму обитатель деревенской пятистенки из моих прежних времен живет лучше местного боярина: у него ведь есть электричество...

Я сам по себе ходячий кладезь прорывных технологий и идей, только будет нужно поднапрячься и заручиться помощью местных кадров. Предстоит много экспериментов, но об этом – потом, а сейчас важен промежуточный вывод: не собираясь «лежать на печке», я попросту не могу не создать вокруг себя этакую зону опережающего развития, которая постепенно распространится на всю Русь. Если не наживу могущественных врагов, которые тупо меня зарубят, не осознав без ложной скромности исторических перспектив от наличия такого неопишимо ценного кадра.

Времена на дворе, кстати, стоят самые что ни на есть к насильственной гибели располагающие: 1553-й год, и все местные это знают, что меня, признаться, удивило. С другой стороны, им что, по календарю Майя жить? Нормальный календарь Византийского образца, с отсчетом лет от сотворения мира, а не от рождения Христа. Я для себя, для привычности, конвертирую в нормальные года, там несложно: просто отнимаешь от актуального года 5508 лет. Знают местные и месяц с днем: третье июля нынче на Руси, меньше двух месяцев до Нового года, который празднуют в сентябре, а доминирующими темами в разговорах местных являются прошлогоднее взятие Казани и скорый поход на Астрахань. Ну а для меня, где-то там, вдалеке, словно гроза на горизонте, звоном окровавленных мечей слышится страшное слово «СМУТА».

А еще Русь воюет. Сейчас главный противник – Казанское ханство, а ближайшая цель – Астрахань. В эти времена войны вообще не особо останавливаются, представляя собой смехотворные с высоты (или деградации, тут как посмотреть) войн XX века стычки десятков тысяч солдат. Операция по взятию Казани, в которой было задействовано сто пятьдесят (такую цифру я принес в памяти из прошлой жизни) тысяч человек, из которых собственно воины в подавляющем меньшинстве, является выдающейся по концентрации сил, и недаром о ней знает каждый житель России моего времени.

Это – большие сражения, а параллельно идет неприятная возня: совершенно бандитские рейды с целью пограбить и чего-нибудь сжечь. Общий уровень безопасности вообще никчемный – леса кишат разбойниками и стайками представителей кочевых народов, которые не меньше непосредственно врагов в виде граждан, состоящих с Русью в состоянии войны государств любят грабить, убивать, жечь и угонять пленных в рабство.

Сердце мое сжимается от жалости к предкам. Болит душа за Русь – в эти времена ей ох как несладко. Помимо внешних так сказать «факторов воздействия», имеется на Руси и ряд внутренних проблем. Главная из них – нищета. Не потому что русичи ленивые, а в силу

объективных причин. Богатство России моего времени – недра – в этом времени используются никудашно. Опять же – не потому что русичи тупые и отсталые, а потому что мир сейчас весь такой.

Климат – вот главный бич. У нас здесь почти везде «зона рискованного земледелия», и в отсутствие удобрений и агротехнологий урожайность скудная даже в хорошие годы. А если засуха? А если наоборот – дожди, дожди и дожди? Урожай гибнет, и приходится голодать.

Коридор закончился, и я оказался в пахнущем вареными овощами и запекающимся хлебом помещении. Но запахи еды меркли на фоне дыма топящихся «по-черному» очагов. Маленькие окна и очаги, над которыми висел здоровенный котел, давали достаточно света, чтобы я скорбно вздохнул внутри себя, но виду, конечно, не подал.

На грязненьких, пропитанных овощными и мясными соками, потемневших от времени, несущих на себе следы многих сотен «соскребаний» ножами самых грязных мест столов, нарежали редьку с репой – они за неимением картошки и простоты выращивания составляют значительную часть рациона – кухонные трудники с послушниками. Другие занимались хлебом: отщипывая куски теста из кадки, они наполняли им железные формочки, чтобы по завершении «партии» поставить запекаться в печь. Процесс, судя по аккуратным рядам готовых румяных «булок» на столе рядом, начался давно.

Вот хлеб на Руси прекрасен. Благодаря статусу Государевых людей моим «богатырям» и соответственно мне на стол подавали только лучшее. Хрустящие, запеченные до идеального состояния благодаря опыту корочки скрывали нежную, серую или черную, но неизменно ароматную и вкусную мякоть. В монастыре хлебушек похуже – добавляют мякину и всяческий «жмых». К счастью, несмотря на войну и исполинские расходы Государя на нее, монастырь живет неплохо, и добавлять в хлеб совсем уж никудашные суррогаты вроде лебеды нет смысла.

Да какой там «неплохо»! Отлично живет – каменные стены с пушками (!), колосающиеся на всю округу поля с работающими на них крестьянами и контроль над несколькими десятками деревень (собственно их жители на полях и работают) превращают монастырь в эдакого «коллективного феодала», который может в известной степени слать подальше самого Государя по всем средневековым законам. Может, но едва ли станет – он же Царь, для наследников Византии фигура сакральная. Короче – если Государь попросит, ему дадут денег или «натуральный» их аналог, в виде мешков с условной гречей для питания войск. Дадут столько, сколько посчитают нужным – на реально больших требованиях любая сакральность начинает сбоить.

Монастырей на Руси много, и богатых среди них немало. Помимо прямой, религиозной функции, они служат пристанищем для лишившихся хозяйства из-за разбойников или войны крестьян, сюда в случае нужды складывают ценности, и само собой монастыри играют роль мощных крепостей. Этот, в котором мы находимся, от «фронта» далеко, поэтому спокойно себе процветает. Игумен в этой связи весьма могущественный человек, и лишь благодаря иностранному происхождению и сопровождению из «богатырей», состоящих в «избранной дворянской тысяче», кстати, что очень элитно, я удостоился чести сидеть с ним за одним столом, пусть и с краешка.

– Грек, ты чего тут? – подошел ко мне мордатый, кареглазый и русоволосый бородатый монах с не очень большим, но все-таки пузом, которое обтягивал украшенный золотом пояс.

Батюшка келарь де-факто является вторым после игумена человеком в монастыре, потому что заведует всей хозяйственной его деятельностью, от банальных продуктов до учета сбора налогов с проживающих на монастырских землях крестьян. В основном взимается «натуральным» способом, но можно и деньгами.

– Его Высокопреподобие велели по кухне помогать, батюшка келарь, – поклонился я.

Очень, надо признать, неуклюже по сравнению с местными кланяюсь – не привык, но народ не обижается, списывая это на мое иноземное происхождение.

– Стол да ночлег отработать богоугодно, – степенно одобрил решение игумена Николай.
– Ступай вон морковку чисть, ежели умеешь.

– Умею, батюшка келарь.

Николай потерял ко мне интерес и пошел контролировать засыпание гороха в котел – гороховая каша сегодня основное блюдо – а я, на ходу засучив рукава, добрался до кадки с морковкой, которую тройка послушников чистила, споласкивала в кадке с грязненькой водичкой и складывала в чистый котел. Морковка отличалась от привычной мне – желтая, белая или фиолетовая. Мелкая, кривенькая, вкус бесконечно далек от моркови будущего совсем не в лучшую сторону. Овощи вообще все намного хуже, чем в будущем – они еще не пережили века селекции.

Ножик мне выдали добротный, и я с удовольствием покрутил его в руках, оценив остроту небольшого, сантиметров в семь, клинка и красоту рукояти, «набранной» из березовой коры. Технология чистки морковки выработана и доведена человечеством до совершенства еще много веков назад, и следующие десять минут я добросовестно «чиркал» лезвием по морковкам, слушая тихий разговор послушников:

- Батюшка Тихон сказывал, гречиха добро в этом году уродилась...
- Петух этот, тварь Божия, каждый раз на меня кидается как видит...
- Сказывают, у батюшки Ивана с кельи бокал серебряный пропал.
- Ишь ты! Неужто вор завелся?

Последнее меня немного напрягло. Спальное место в виде крохотной комнатухи с набитым соломой тюфяком мне выдали. Там же стоит сундук, который не запирается из-за отсутствия замка. В сундуке – мое имущество, которое мне честно отдали «Богатыри». Все, что нашлось на трупах «моей» группы: одежда, немного украшений, а главное – мешочек с деньгами. Точнее – с «денгами», убого отчеканенными серебряными монетами. Семьдесят три штуки было изначально, но почти сразу мне вежливо, но без права отказаться – это в тоне «богатырского» десятника хорошо читалось – предложили продать почти все пригодное для воинов добро моих покойных спутников. Три сабли, два лука со стрелами и запасными тетивами, одна кольчуга, две пары наручей, четыре тегиляя (этакий очень плотный и оттого защитный ватник) и одна приглянувшаяся «богатырю» Петру пара сапог. Три полновесных серебряных рубля мне за это заплатили, и я как никогда уверен в том, что меня очень качественно поимели.

Не обижаюсь – времена сейчас тяжелые, а «богатыри» все-таки спасли мою новую жизнь. Могли бы вообще все отжать на самом деле, как они поступили с лошадиной сбруей и двумя похожими по размерам на пони лошадками, которые по идее тоже должны были достаться мне в «наследство». Как бы там ни было, в моем сундуке хранится то, что смело можно назвать «стартовым капиталом», причем немалым. Надо будет сообразить замок, а то как-то тревожно стало.

Морковка закончилось, и мы с послушниками принялись нарезать ее кружочками. У послушников получалось плохо и медленно, а я профессионально шинковал с ритмичным стуком ножа о стол, как положено человеку с кулинарным образованием, закономерно вызвав у окружающих открытые от удивления рты.

– Ишь как ловко! – оценил мои навыки и батюшка келарь. – А ну-ка все також резать учиться! – решил тут же применить новую технологию.

Молодец. Несколько порезов, может быть даже отрезанных пальцев, а потом производительность труда на кухне изрядно вырастет, о чем батюшка келарь с удовольствием доложит игумену.

– А пойдика, грек, с рыбой помоги, – велел мне келарь.

– Ай! – получил производственную травму третий слева послушник и сунул порезанный палец в рот.

– У, дуб криворукий! – погрозил ему кулаком батюшка келарь. – К батюшке Юрию ступай, скажи, что я велел тебе епитимью определить.

Сурово здесь у них. А ведь этот порез вполне может убить послушника заражением крови.

– Промой кипяченой водой, – ощутив прилив гуманизма, посоветовал я.

– Это мы и без иноземцев сумеем, – отмахнулся батюшка келарь. – Ты к рыбе ступай.

Я «ступил» и показал мастер-класс потрошения и очистки полагающихся к сегодняшнему обеду речных форелей.

– Хорошо тебя батька учил, – похвалил меня Николай. – Царствие ему небесное, – перекрестился.

– Батюшка келарь, разрешите блюдо новое сготовить, воинов Государевых да Его Высокопреподобие за заботу отблагодарить, – решил я перестать тратить время на первичную обработку продуктов.

Нафиг, я свое еще в «шараге» нарезал до полной потери интереса.

– Попортишь снедь, придется заплатить, – предупредил келарь.

– Спасибо, батюшка-келарь, – поклонился я.

Вот и возможность заняться интересным делом и зарекомендовать себя в качестве толкового повара. Так, рыбка...

Приготовив и нарезав палочками филе форели, я под пристальным взглядом келаря и отложившего ради такого дела личный контроль над приготовлением гороха батюшки Михаила, главного местного повара, посолил рыбку, обвалял в муке и при помощи водруженной на печь сковороды и льняного, что не очень хорошо, но оливкового мне не дали – страшно дорого и дефицитно, аж из Италии привозят – масла обжарил рыбные палочки. Когда они покрылись хрустящей, золотистой корочкой я красиво завернул их в свекольные листья – чтобы брать, не пачкая руки – и приятным глазу, ровным кругом выложил на блюдо, отдельно положив на тарелку «лишние», предусмотрительно отложенные для пробы келарем и поваром.

– Красиво, – признал качество сервировки Николай.

– С выдумкою, – добавил Михаил.

Пробу они сняли синхронно – желтые, с прорехами зубы батюшек со смачным хрустом преодолели сопротивление панировки и вгрызлись в сочную мякоть форели. Жевок, еще один...

– Ай да грек! – совсем другим взглядом посмотрел на меня батюшка келарь. – Опосля обеда не сбегай никуда, потолковать нужно.

Глава 3

– За мной ступай, – велел мне Николай и повел ко второму, «служебному» выходу из столовой.

Я пошел следом, полагая, что батюшка начнет разговор в коридоре, потом подумал, что начнет во время семиминутной проходки по симпатичному, оснащеному клумбами с цветами и выложенными из камня и досок дорожками монастырскому двору, а когда мы вошли в каменное, охраняемое двумя «боевыми монахами» высокое, с бойницами и мощной дверью каменное здание, служащее складом продуктов и начали подниматься по узкой, темной лестнице на второй этаж, я уже понял, что разговора батюшка келарь до прибытия в кабинет (или келью, не знаю куда он меня ведет) начинать не собирается.

А тут вообще никто не торопится за редким исключением. Ну то есть как? Крестьяне впахивают споро и от всей души: с рассветом и немножко даже после заката. Горожане, за исключением богатых бездельников, от них тоже не отличаются – бездельники без капиталов в это время тупо помирают с голоду, потому что и рабочий-то люд регулярно живет впроголодь. Банально не хватает ресурсов на «социалку».

Речь о другом: средневековые русичи и иностранцы размеренны в речах, часто делают паузы на «подумать», стараются вникнуть во все детали прежде чем во что-то ввязываться – и это все прекрасные качества! – и в свободное от работы время стараются тратить поменьше калорий. Полагаю, работает естественный отбор – импульсивные торопыги померли не дожив даже до подросткового возраста.

Вот и Николай решил потратить время пути на обдумывание будущего разговора, а не начинать его на ходу. В ногах правды нет – в этой поговорке заключен великий смысл. Как вести дела с человеком на ходу? Как можно доверять тому, с кем виделся всего пару минут? Нет уж, с человеком нужно посидеть, обстоятельно поговорить, и вот тогда уже решать, стоит он дальнейших усилий или нет.

Шуганув сидящую на подоконнике сороку (окна нормальные, со стеклами, но стекла примитивные, мутные и сильно искажающие картинку), батюшка келарь уселся за заваленный берестяными свитками и примитивной, очень грубой фактуры, желтенькой бумагой стол и кивнул мне на табуретку для посетителей. Вся мебель из мной виденной конечно же является самодельной. Полагаю, у монахов есть работающие на них напрямую или через коммерческие заказы плотники или сами батюшки с послушниками мастерят.

Да что там «полагать» – вон, мы мимо сараюшки сейчас проходили, и из нее доносились стуки молотков, шелест пил и прочие «плотницкие» звуки. В этом времени без хотя бы зачаточных навыков деревообработки приходится туго – толковый плотник, понятное дело, бесплатно работать не станет, а мебель в хозяйстве нужна всегда, вот и строгают себе крестьянин табуретки да лавки сам.

Я опустил на табуретку, и некоторое время мы с батюшкой келарем молча смотрели друг другу в глаза. По идее я от такого должен начать нервничать, но с высоты моего опыта деловых переговоров мне вообще все равно: сидим в тепле, животы полны доброй гороховой каши с рыбкой да овощами, «рыбные палочки» игумену и «богатырям» очень понравились – куда спешить? От чего нервничать?

– Скажи, грек... – начал Николай.

Хорошая возможность реализовать заработанную в его глазах полезность, заодно создав прецедент моей возможности брать переговоры под контроль.

– Простите, батюшка келарь, но греков много, а меня Гелием зовут.

Николай от «перебива» поморщился, пожевал губами и решил не обострять – я потенциально полезный кадр, с которым портить отношения в самом начале не хочется, а еще я извинился, то есть как бы и переживать не о чем.

– Гелий, – признал за мной право на личное имя келарь. – Ты много блюд иноземных знаешь?

Ну не сам же придумал «рыбные палочки» поваренок иностранный, из дальних краев привез вестимо.

– Много, батюшка келарь, – подтвердил я. – Да только приготовить могу только малую толику, для остальных кухня нужна другая и продукты.

– Продукты – то понятно, – важно покивал Николай, откинувшись на спинку стула. – А кухня тебе наша чем плоха? – прищурился в ожидании ответа.

Да всем! Это не «кухня», а кошмар любого технолога!

– Хороша кухня, батюшка келарь, – соврал я ему прямо в глаза. – Да только у отца моего, царствие ему небесное, – перекрестились. – Получше была. Нарезка та же – сейчас ваши люди руку набьют, и овощи резать станут резвее и ровнее. Блюда от этого вкуснее станут – ровный кругляш морковки-то и варится ровно, как положено. А у людей еще и время появится на другие дела.

– То понятно, – то ли сделал вид, то ли и вправду все понял батюшка-келарь. – Ежели резать живее станут, станут больше успевать, – повторил мой тезис. – А ежели одно только это годами длиться станет, то успеют они ого-го! – развил его, проявив навыки стратегического планирования «вдолгую» и оптимизации производства.

Силён.

– Так, батюшка келарь, – согласился я. – У нас говорили – «человеко-час», сиречь один час человеческого труда.

– «Человеко-час», – попробовал он термин на вкус и улыбнулся – понравилось. – У нас на Руси, Гелий, понимания в головах хоть отбавляй, а слова такие ладные придумывать умеем плохо.

– Не греческое оно, – улыбнулся я в ответ.

Наше, но из будущего.

– С Запада далекого, – продолжил врать монаху в глаза, что немного стыдно, но Бог, надеюсь, простит. – У них там, у католиков, всё по-другому: людей много, посему отношение к ним не нашему, Православному, чета – вроде и не раб, а вроде и за человека не держат. Этаким инструмент, как они сами говорят – «средство производства». Все у них там посчитано и учтено, и труд людской – в первую очередь.

– Оттого и «человеко-час», – заинтересованно кивнул батюшка келарь, которому, судя по живо бегающим глазам и позе, разговор очень нравился. – Интересно подметил, – признался в этом напрямую. – Настоятель наш с поручением от Церкви в самый Стокгольм плавал, схожее рассказывал.

Слова келаря меня удивили – ну где монастырь в сотне верст от Москвы и где Стокгольм? С другой стороны, пора перестать воспринимать окружающую реальность через призму учебников: Русь не только воюет, но и активно взаимодействует с «зарубежными партнерами» двумя методами: дипломатией, торговлей и культурно-религиозными связями. В самом деле, почему бы уважаемому игумену не сплавать в Швецию на какой-нибудь религиозный симпозиум?

– Я очень рад, что вложенные моим отцом, царствие ему небесное, – перекрестились. – В мою голову мысли способны удостоиться разделения самим Его Высокотрепобием.

Тьфу, блин, совсем запутался в этих любезностях – это ж не фраза, а позор. Батюшка келарь, однако, смысл понял и им удовлетворился, вернув разговор к основной теме:

– Чего еще в нашей кухне исправить можно, чтоб, значит, «человеко-часы» тратились правильнее? – улыбнулся, радуясь удачному применению нового для себя термина.

Клиент готов к выслушиванию условий. Но аккуратно, чтобы не послал меня чисто в наказание за наглость:

– Мы с отцом на Русь работать приехали, батюшка келарь. На самый Двор Государев. Я – тень отца моего, и Государевой кухни недостоин, но знания и умения имею без ложной скромности очень ценные. Похороны отцовские я из наследства его оплатил, а постой в вашем прекрасном монастыре готов отработать простым кухонным трудником.

Хочешь новинок? Нанимай специалиста как положено.

Выслушав, батюшка принялся думать, постукивая пальцами по столу. Сейчас все поймет и начнет торговаться. Если сразу в шею не выгнал, стало быть готов раскошелиться. Денег у меня, слава Богу, «отцу» со спутниками и честным в целом-то «богатырям», самого изрядно имеется, а вот вне-материальных, гораздо более важных в этом времени благ, практически нет.

Если коротко – мне нужна КРЫША, и чем могущественнее, тем лучше. Церковь в этом смысле годится на мой взгляд лучше других феодальных субъектов. Она – один из лучших социальных лифтов в эти времена. Там, где в других местах человек «подлого происхождения» неизбежно упрется в глухую стену «местничества», в Церкви он может сделать великолепную карьеру. Технически – вплоть до Патриарха. Уж не знаю, случалось ли такое, но среди епископов, игуменов и прочих служителей средне-высокого и даже очень высокого ранга хватает простолюдинов, и они не станут плевать от моей компании.

Не смогу я на боярина ишачить. Год потерплю, два, три, а потом – всё, «работать на дядю» надоест настолько, что я от чистой ярости выкину что-то очень нехорошее. Начальство «коллективное», как например в этом монастыре, предпочтительнее: с каждым из них можно договариваться и торговаться по отдельности, а сама Церковь, прости-Господи, свою выгоду блюдет крепко, иначе не являлась бы одной из доминирующих и богатейших сил на Руси. Буду приносить пользу – очень большую пользу – мне будет позволена некоторая свобода и возможность не гнуть спину перед каждым встречным мужиком рангом повыше. Это уже многого стоит, а еще церковная братия в случае проблем сможет меня «отмазать» даже от солидных проблем. Рук, ног и прочего добра вокруг всегда как грязи, а толковая голова в золотом эквиваленте стоит столько, сколько способна заработать. Моя ушибленная крымско-татарским разбойником голова в этом смысле вообще бесценна.

– Станный ты человек, Гелий, – сказал келарь совсем не то, что я ожидал. – Спину гнуть не привык, говоришь странно, да складно. Но оно и понятно – отец твой, царствие ему небесное, – перекрестились. – Уважаемым человеком был.

– Иного к Государю бы не послали, – кивнул я.

– А ты не больно-то по нему и горюешь, – заметил келарь.

– Горе мое велико, батюшка келарь, да только моё оно, другим без надобности. Когда разбойники всех, кого я любил у меня на глазах перерезали и меня вслед за ними на тот свет отправить попытались, я много понял об этом мире. Слабым быть нельзя.

– Нельзя, – задумчиво посмотрел на меня Николай. – Ладно, – хлопнул по столу ладонью. – Станный – не странный, а дело делать нужно. Стало быть, денег за советы свои просишь?

– Не за советы, а за конкретные, работающие способы улучшения организации труда на кухне, – поправил я. – И не «денег», а возможности крепко встать на ноги. Нужно смотреть правде в глаза: без отца на Государеву кухню меня не возьмут, а работать поваром даже при очень уважаемом боярине я не хочу. Буду честен, батюшка-келарь: мне сейчас, как и в прошлые дни, очень страшно. Впереди – неизвестность, позади... – я вздохнул. – Прodelать такой долгий путь, чтобы потерять все и вернуться назад? – развел руками. – Господь ничего не делает просто так, для каждого у него есть план. Ежели ему было угодно лишить меня отца здесь, в

далекой Руси, – указал пальцем в дощатый пол. – Значит я не могу просто развернуться и уйти обратно. Я чувствую, что должен что-то сделать. Здесь, в чужой для меня стране.

А вот это уже не ложь – реально так себя чувствую, и страна, даром что кажется до боли знакомой невзирая на технологическую отсталость, все-таки чужая.

Батюшка-келарь думал минут десять. За это время нас успела навестить прогнанная не так давно сорока, удостоившись от Николая классического «сгинь, нечисть», за окном, по двору, кто-то пронес что-то большое (по крикам «расступись» это понял), а потом раздалось довольно противное, очень такое «этническое», сопровождаемое треньканьем гуслей, стуком бубнов и свистом свирели:

– Ой, дид-ладо, ой, дид-ладо!

Веселей ступай, ковыляй нога!

– Опять скоморохов нелегкая принесла, – закатил глаза келарь и закрыл окно.

– А почему не прогнать? – спросил я, с интересом ловя текст доносящейся сквозь закрытое окно песни.

– Боярин толстый шел, надувался,

Со злости на народ ругался,

А на льду поскользнулся,

В лужу грязную скатился!

Да это же настоящая средневековая социальная сатира!

– А чего прогонять? – пожал плечами Николай, вернувшись на свой стул. – Греха в песнях да плясках нет, братии нравится, пушай погостят, все жить веселее.

Он закончил, и мы еще немного помолчали, послушав пение скоморохов. Не давил бы «вокалист» высокие ноты и не добавлял бы «фольклорного» звучания, было бы даже приятно. Музыка, кстати, неплохая – играть мужики умеют, и ноги немножко захотели в пляс.

– Давай так поступим, – приняв решение, сложил руки в замок Николай. – Поможешь с кухней, и я поговорю с Его Высокопреподобием о том, чтобы взять тебя в свои помощники. К постригу стремиться будешь?

– По-другому во славу Божию трудиться хочу, – покачал я головой.

– Так и думал, – не расстроился келарь. – Договор? – протянул руку.

Мутноваты условия, но я еще ничего особо и не сделал для того, чтобы мне предложили больше. Нормально – сейчас батюшка-келарь отведаёт перемен, похвастается ими игумену, и вот тогда, когда Его Высокопревосходительство мной заинтересуется, начнется настоящий торг.

– Договор, – пожал я мозолистую ладонь Николая.

Не чурается батюшка келарь ручного труда. Полагаю, его не чурается и сам игумен, несмотря на свое положение.

– Только есть один момент, – предупредил я.

– Забрать тебя могут, – понял, о чем я келарь. – Пока о том не думай – Государю нынче не до тебя, а дворяне твои с утра письмо получили, завтрашним утром разбойников гонять выступают. Ты им в этом деле без надобности, поэтому не удивляйся, когда они попросят тебя в нашем монастыре их возвращения или Государева человека дожидаться: они о случившемся отписали. Может и вовсе о тебе Государь забудет. То простому человеку обидно может быть, но ты не серчай: Государь на Руси один, людишек вокруг него много, а ты и сам говоришь, мол, не чета отцу твоему, и кухни Государевой не достоин.

Ничего себе новости!

– Спасибо за вести, батюшка келарь, – благодарно поклонился я. – Все одно к одному идет.

– Одно к одному, – согласился Николай. – Ежели монастырю нашему пригодишься, значит и впрямь здесь твое место. Ну что, идем на кухню?

– Без надобности, батюшка келарь, – заявил я. – Ежели бересты да чернил не пожалеешь, прямо здесь начертить кое-чего могу. Понравится – начнем переделывать, нет... – пожал плечами. – Поделюсь другими кухонными хитростями. Но сначала я у тебя замок для сундука моего попросить хотел – послушники промеж себя говорили, будто вор в монастыре завелся.

– Тьфу, балаболы, – приложил подчиненных келарь. – Ты их не слушай, батюшка Филарет в годах великих, порою сам не помнит где он и как, бокал свой сам спрятать куда-то мог да забыть.

Изо всех сил замалчивать проблемы начальство любит уже в эти времена.

– Вам виднее, батюшка келарь, – заверил я Николая. – Да только с замком-то оно спокойнее. Даже ежели вора в монастыре нет, однажды у меня могут завестись враги. Я здесь – грек, иноземец, и ежели в моем сундуке найдут что-то чужое, боюсь, слушать меня да разбираться особо никто не станет.

Хмыкнув, Николай улыбнулся:

– И впрямь при уважаемом дворе рос. Будет тебе замок, будет и береста с чернилами, – протянул мне то и другое. – Пиши, а как закончишь, за замком тебя свожу, самый крепкий себе сам выберешь.

Вроде как аванс, а вроде как и нет. А береста-то какая-то царапанная, с неразборчивыми следами прежних букв. Соскоблили ненужное, видимо, и рачительно пустили в дело по второму кругу. Рационально, логично, и даже уважение внушает такое умение распоряжаться ресурсами, но вы бы, уважаемые древние русичи, о потомках подумали: даже пара слов на полуразложившемся от времени куске бересты могут пролить свет на темное пятно в истории. Эх, никакого уважения к археологам из будущего!

– Значится так... – вооружившись пером, я макнул его в чернила...

– Да ты ж не умеешь! – почему-то возмутился батюшка келарь, споро отобрав у меня перо и чернильницу. – На-ка вот, угольком лучше, – выдал мне маленький, острый кусочек угля, зажатый для удобства в расщепленную палочку.

В целом-то прав: я пером и чернилами по бересте не писал никогда, попортил бы ценные материалы. Нацелившись, я приготовился провести первую линию, и тут Николай положил ладонь на бересту, помешав мне:

– А вообще знаешь, Гелий, – сердечно улыбнулся. – Береста-то у нас заканчивается. Давай лучше палочкою на земле сначала нарисуем, а то ежели на бересте, секреты твои скрасть могут, – придумал оправдание своему жлобству.

– Хорошо, батюшка келарь, – согласился я. – Только за замком зайдем по пути к земле и палочкам.

– Зайдем, – вздохнул келарь так, будто я у него почку для пересадки прошу, а не замок, который после моего отъезда вместе с сундуком в монастыре и останется.

Глава 4

Выполненный палочкой на земле за зданием «склада», чтобы посторонние не видели, план реорганизации кухни вызвал у батюшки келаря и привлеченного им к делу главного повара батюшки Михаила смешанные чувства.

– Как-то оно совсем по-другому получится, – выявил келарь основную «фичу».

– Непривычно оно работникам, запутаются и гору снеди зазря переведут, – развил его мысль Михаил.

Понять можно – в эти времена как никогда не хочется «чинить то, что работает». Монастырю в этом плане еще нормально – ну запорят пару-тройку трапез послушники да трудники, но по миру монастырская братия от этого не пойдет. А крестьянину как новые методы сельского хозяйства пробовать? Не получится – всё, здравствуй, голодная смерть.

Ну и репутации у меня не хватает «протолкнуть» нововведение одной лишь ею. Придется долго и нудно уговаривать вот этих двух деятелей в подрясниках.

Кстати о «подрясниках» – пояс, любой, а не только монашій, в эти времена считается чуть ли не главным атрибутом в одежде. Не подпоясан, значит лох, чмо и скорее всего лиходея, с которым знаться себе дороже. У меня поясок хороший, в виде красной тряпицы, и он хорошо подчеркивает мои дорогие по местным меркам шмотки. Это там, в будущем можно позволить себе поспорить с поговоркой «встречают по одежке», а здесь это смерти подобно: одежда и прочий инвентарь служат сразу и инструментом оказания первого впечатления, и рекомендательным «письмом», и документами, и показателем статуса.

– Непривычно, но в силу толковости сего, – потыкал я палочкой в план. – Работники освоятся быстро, за день-два. В эти дни, спору нет, будут ошибки и пустая трата продуктов, но дальше процесс готовки ускорится, и у монастыря появятся свободные рабочие руки.

– Давай еще разок, Гелий, – решил вникнуть получше батюшка келарь. – Это чего? – носком сапога с кокетливо загнутым носком указал на кусок плана.

Удобно расположились – на скамеечке сидим, солнышко светит, птички поют, со всех сторон шумит работою монастырь, и только мухи, комары да блохи – все мы здесь время от времени почесываемся, к этому тело тоже привычно – мешают идилии. А так, как говорят в монастыре, очень даже «благодно».

Мы втроем наклонились к плану поближе, и я еще раз, стараясь избегать терминологии будущего, рассказал где, как и чего.

– На словах-то оно гладко выходит, – поморщившись, признал Николай. – Да вот как оно на деле будет... – скептически вздохнул.

– Кухня монастырская веками строилась, и, если она такова, значит другою быть и не может, – заявил Михаил.

«Жизнь такова и больше не какова». Консерватор хренов. Что ж, есть у меня «приём» и на консерваторов: нужно объявить новинку древними, утраченными знаниями. Предков в эти времена уважают все, и уважают сильно – вот им все свои «придумки» приписывать я и буду.

– Опасения ваши, батюшки, я понимаю, – заверил я. – Предки, что у вас, что у нас, великими людьми были, и лишь их трудами имеем мы то, что имеем.

Батюшки покивали.

– Да только отец мой тоже не дурак был. И дед мой, который кухню такую, – указал на план. – В самом Цареграде видал, причем чудом – дед тогда у мясника на побегушках был, стражник поссать уходил, получилось заглянуть внутрь, – предельно «человечная», яркая на контрасте с сияющим ореолом Царьграда деталь добавила выдумке достоверности, – Заглянул дед и обомлел – каждый работник на своем месте, каждое движение в толк идет, никакой лишней суеты и толкотни. Запомнил он тогда увиденное накрепко, а как подрост, научился

искусству кулинарному да в услужение уважаемому человеку пошел, сам такую кухню себе и оборудовал. Уважаемый человек через это путем угощения гостей еще уважаемее стал, а кухню сию дед вообще велел в секрете великом держать.

Блин! Я же получается против дедова завета тут распинаюсь! Надо срочно «опомниться» и разыграть сценку, а впредь, когда буду сочинять вранье на ходу, нужно быть внимательнее.

– Ох я дур-р-рак! – на «родном», греческом заклеил я себя и движением ноги стер план.

– Эй, ты чего? – возмутился батюшка-келарь.

– Отец деду обещал секрет беречь, а я – отцу, царствие ему небесное, – перекрестились.

– Получается – клятву нарушил, – соскользнул со скамейки и встал на колени, вытянув руки к удивленным монахам. – Прошу вас, батюшки, позабудьте все, что видели.

Перекрестившись, я сложил руки в молитвенном жесте и торопливо, всем видом показывая, как мне стыдно и страшно, зашептал на греческом молитву о прощении грехов:

– Господь наш, Иисус Христос, прости мне все прегрешения вольные и невольные, ибо я в них раскаиваюсь. Прошу прощения у живых и мёртвых за боль и огорчения, доставленные мной в прошлой жизни и настоящей...

Я и впрямь просил у Господа прощения, но не за самолично придуманную семейную тайну, а за то, что вру Его служителям, а заодно, через молитву эту вот, вовлекаю Его Самого в свои, чисто корыстные, замыслы. Грешен я, во лжи да стяжательстве давно и надежно погряз, но это же не я такой, а сама жизнь. Прости, Господи, раба твоего грешного. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь!

Из уважения к молитве батюшки дали мне закончить, а потом келарь потянул меня за рукав, усадив на лавку. Всё! Обновлению кухни быть – мое нехитрое, предельно циничное вранье было принято служителями Господа за чистую монету, и параллельно жгучему стыду за собственную греховность в голове возникла мысль о том, насколько мощно смог бы в этом времени «подняться» мошенник уровня Остапа Бендера. Слава Богу, я так низко не пал, и за свои привилегии отплачу ощутимым приростом уровня жизни как минимум в отдельно взятом монастыре, а как максимум – на всей Святой Руси.

– Ты погоди каяться, Гелий, – келарь ласково принялся «разводить» меня на «семейную тайну аж из самого Царьграда». – Давай вместе разобраться попробуем.

– Здесь не разбираться надо, – продолжил я изображать величайшее недовольство своей «оплошностью». – А забыть навсегда. Прошу вас, батюшки, дед с отцом с меня на том свете шкуру сдерут!

– Да погоди ты, – еще душевнее попросил келарь, приобняв меня за плечи и дыша мне прямо в лицо страшной вонью, к которой, к счастью, я привык, а потому стойчески терпел. – Отец твой, царствие ему небесное, – перекрестились. – На Русь зачем ехал?

– На Государевой кухне работать, – «уныло» повесив голову, буркнул я.

– Во-о-от! – удовлетворенно кивнул Николай, важно подняв палец в воздух. – А работать настолько уважаемый человек как твой отец мог только главным поваром. Так, Михаил? – попросил подтверждения у повара.

Ловко оперирует базовыми манипуляциями средневековый русич, аж гордость за предков берет!

– Так, – конечно же подтвердил тот.

– И неужто отец твой не стал бы ничего менять в ее работе? – спросил батюшка келарь.

В принципе, уже можно соглашаться и идти уже работать, предварительно повесив на сундук лежащий в суме (карманов здесь не существует, все ходят с мешочками на поясе) замок, но для закрепления эффекта лучше еще немного «поуговариваться»

– Не знаю, батюшка, – вздохнул я. – О том мы с ним не толковали.

– Вот теперь видно, что ты молод еще очень, – хлопнул меня ладонью по спине келарь.
– Хорошо себя держишь, крепко, но теперича видим, что по отцу ты безмерно тоскуешь и пропасть один в чужих краях боишься.

Я «вздрогнул», как бы убеждая батюшку в его неверных, но выгодных мне суждениях на мой счет.

– Не бойсь, мы тебя в обиду не дадим. Так, Михаил?

– Так.

– Спасибо, батюшка келарь, – понуро кивнул я.

– Помнишь, что в письме-то сказано? – вернулся Николай к основной теме. – Я подскажу – следует, мол, повар уважаемый, на Двор Государя всея Руси дабы «преумножить ее известную всему миру славу». Сиречь – как раз-таки секретом поделиться на радость Государю.

Прочитывал письмо келарь почти дословно.

– Так, – подтвердил я и отстранился от Николая, возмущенно на него посмотрев. – Но это что получается? Что отец мой, царствие ему небесное, – перекрестились. – Клятву деду данную нарушить собирался?!

– Молод ты, Гелий, – снова повторил келарь. – Горяч. А ты не горячись, давай лучше вместе покумекаем. Ты вот как думаешь, Михаил? – применил ту же манипуляцию в новом качестве.

– Я думаю, что клятву твой отец, царствие ему небесное, – перекрестились. – Давал в далекой юности, а когда подрост, дед другую с него требовал, не такую суровую.

– Не стал бы отец твой, царствие ему небесное, – перекрестились благодаря келарю. – Поперек клятвы деду данной на Русь ехать. Поваров, чай, на Оттоманщине много, нашли бы кого послать.

– Не стал бы, – неуверенным тоном «клянул» я.

– Давай вместе подумаем, – подсел поближе келарь и принялся «гипнотизировать» меня активной жестикуляцией рук. – Ты вот молод, а ребетня, ты за правду меня прости, язык за зубами держать умеет плохо. Вот и нужно их страшать, пужать, да клятвы брать строгие, чтоб не проболтались. Ты вот, Гелий, уже почти отрочество перерос, а все одно чуть не проболтался.

– Так, – низко склонил я «виноватую» голову.

– Ты себя не кори, – ласково попросил Николай. – Приложило тебя судьбиной так, что и врагу не пожелаешь. Ты себя наоборот, по делам суди: не опустил рук-то, нюни не развесил, в людей и Господа веры не растерял, как иной на твоём месте. Просто молод ты еще.

НЛПшник долбаный – он же не из-за отсутствия фантазии повторяет это свое «молод», он целенаправленно прививает мне эту «истину» прямо в мозг! Но до чего же приятно испытывать гордость за таких хитрожопых предков!

– Молод, батюшка, – признал я, склонив голову еще ниже.

– Вот отец твой потому с тебя строгую клятву и взял, – озвучил вывод келарь. – И сам такую ж в малые годы деду давал. Секрет такой, – он указал на землю. – Простым людям доверять нельзя – испортят, бед натворят, потому как замысла понять в силу скудоумия природного не смогут. А вот Государева или монастырская кухня – это ж совсем другое дело! Вера у нас, Гелий, одна, и Церковь одна. Кухней твоею, ежели справно работать станет, мы со всей Церковью поделимся, и станет секрет твой родовой в самое основание ее блеска и благолепия. А там и Государеву кухню поможем в такой же вид привести. Считай – дело отца своего сам продолжишь. Тебя, прости уж за правду, к Государевому Двору и не подпустят, а служителей Господа, да еще и благую новизну несущих, запросто. Плохо ли? Не богоугодно ли?

Эх, да мне бы в прошлой жизни хоть пару таких «переговорщиков» в штат, я бы сам договариваться вообще бы не ездил! Зачем, если батюшка келарь с такими талантами есть?

– Как будто хорошо, батюшка, – признал я.

– Ну вот! – одобрительно похлопал он меня по плечу.

– Складно выходит, батюшка, да только клятвы-то отец с меня не снимал, – продолжил я набивать цену «фамильному секрету».

– Но ведь снял бы однажды, – мягко заверил Николай. – Понимаю страх твой, Гелий. Ты не переживай – ежели... – он пожевал губами и исправился. – ...Когда кухня твоя себя покажет, мы к Его Высокопреподобию пойдем. Он с тебя грех твой надуманный снимет, ты в этом не сомневайся.

– Не буду, батюшка келарь, – со слабой улыбкой пережившего тяжелую внутреннюю борьбу юноши пообещал я.

– Вот и славно, – одобрил он и поднялся на ноги, взяв меня за руку. – Идем до кабинета моего, на бересте план напишешь – так оно надежнее будет.

Ловок – «подкормил молодого» что твою собаку Павлова, успешно выполнившую задание. Изображаем радость:

– Спасибо, батюшка келарь.

***

Сколь бы огромное впечатление не произвел на батюшек «фамильный секрет», вносить изменения они решили постепенно, начав с простеньких и легко осуществимых. Начав, конечно, после ужина из той же гороховой каши с хлебом, но без мяса и рыбы. На самом деле это правильно – перестраивать систему с нуля дело трудное, поэтому лучше постепенно менять старое вплоть до полной его переделки на длинной дистанции.

По сложившемуся укладу кухонный инвентарь ночью хранится в запертых сундуках. Поутру батюшка келарь открывает сундуки, и ножи, крючки да скребки расходятся по столам и рукам. В последствии что-то теряется, чего-то не хватает, и это провоцирует обиды и лишние движения в виде поисков и споров. Вечером это все собирают и прячут обратно в сундуки, закольцовывая таким образом порочный цикл.

Помимо сундуков, на ночь запирается и сама кухня, а у обеих дверей на всякий случай выставляются посты охраны. Встает вопрос – а зачем инвентарь в сундуки прятать?

Здесь нам на помощь приходит система вертикального хранения: согнав умеющих орудовать молотками монахов, послушников да трудников и опустошив имевшийся в монастыре запас досок (новые уже пилят в подконтрольных монастырях лесопилках), батюшка келарь показал отличные организаторские навыки, и буквально за полчаса кухня обзавелась полками – я едва успевал показывать «молотобойцам» нужные для полок места.

Вертикальная система хранения сама по себе малополезна, поэтому работать будет в спайке с «зонами», раскрывающими ее потенциал в полной мере и сами сильно оптимизирующими процесс готовки.

Вот здесь, рядом с задним входом, откуда в кухню помимо персонала проникают и ингредиенты, зона подготовки. Здесь – столы и полки для сортировки ингредиентов и столы для очистки овощей, мяса, рыбы и птицы. Большие бочки для отходов в наличии. Помечены угольком: отдельно «мясные» отходы, отдельно – перья да шерсть, отдельно – отходы овощные.

Далее – зона готовки. До использования нескольких очагов отдельно для кипячения, тушения, варки и вертела для жарки монахи додумались и без меня, поэтому здесь было просто: обошлись передвиганием одного очага для экономии беготни да прибавлением полок с крючками для инвентаря.

Последняя зона – зона выхода готовых блюд. Столы установлены рядом с выходом в столовую, здесь у нас сервировка и деление на порции. Осмотрев результат, мы провели инструктаж персонала. Вот с персоналом есть проблемка – своеобразные «команды» с разной специализацией монахи сформировали давным-давно. Наиболее опытные повара заняты работой у очагов, но их, блин, многовато. «Разжаловать» кого-то из них в сервировщики или нарезчики келарь не может – нельзя заслуженных людей обижать. Впрочем, это не критичная проблема – система работать будет и так.

По приказу батюшки келаря кухонные работники «порепетировали» процесс готовки без продуктов и огня под очагами. Энтузиазмом и не пахло – пришел тут, понимаешь, малолетний грек, и заставил добрых людей фигней страдать и менять веками складывавшийся уклад.

Тем не менее, дисциплину батюшка келарь и батюшка Михаил на кухне блюли строго: никакого роптания, только ленивое нарезание воздуха и утрированное кряхтение в моменты, когда нужно тянуться за висящим на крючке половником.

Келарь удовлетворился тремя «прогонами» – это заняло почти три часа, за окном неспешно догорал летний день, и под конец пришлось зажечь лучины. Зрение у большинства возрастных местных не ахти – освещение везде скудное, а очки и тем более линзы не существуют. Щурятся все много, «резкость» поймать пытаются.

Щурятся и по другой причине – очаги, несмотря на наличие некоторой вентиляции в виде окон и дырок под потолком, коптят немилосердно, топясь в полном смысле "по-черному".

Когда имитация готовки закончилась, келарь принялся собирать обратную связь. Жалобы были, но большинство признало – когда инвентарь перед глазами и под рукой, всегда на одном и том же месте, а работники жестко распределены по «зонам», работается как будто лучше. А когда у пытающихся освоить быструю нарезку послушников да трудников порезы на руках заживут так и вовсе хорошо будет.

– С утра на деле попробуем, – решил келарь. – Пораньше начнем, братья. На час целый – работа новая, незнакомая, а завтрак на столах быть должен!

Когда народ разошелся, а батюшка келарь запер кухню и подергал замок, он посмотрел на меня, высказав классику:

– Ну смотри, Гелий, ежели перед Его Высокопреподобием осраимся... – он погрозил мне кулаком. – Спать иди, да утром прийти не забудь.

– Не забуду, батюшка келарь.

По пути в мою келью меня перехватил какой-то монах:

– Десятник из Избранной тысячи передать велел, что уходят они на рассвете. Тебе остаться велено, ждать покуда Государь не решит, что с тобою делать.

– Спасибо, батюшка, – поблагодарил я и пошел дальше, ощущая шевеление задетой гордости.

Даже не посчитали нужным лично попроситься, как бы между делом отправили первого попавшегося под руку монаха с посланием. Такой вот мир нынче – где я, и где воины аж из самой Избранной Государевой Тысячи?

Глава 5

Бородка у меня, в силу молодости и расположения волосяных луковиц, такая себе – светлый пушок формирует усы, не имеет возможности распространиться на щеки и даже создать бакенбарды, а потом покрывает подбородок и уходит под него. Получается совершенно «козлиный», монголоидного типа клинышек, который меня сильно раздражает, но сбрить его до воцарения Петра Великого не представляется возможным. Борода для мужчины на Руси ничуть не менее важна, чем пояс. Уважаемые люди бороду, пусть даже такую же как у меня «козлиную» (а таких много), холят, лелеют и стригут у специального человека. Люд простой тоже не любит ходить с бородой «клочною», и ухаживает за ней сам в меру сил. Хотя бы время от времени вычесывая из нее блох частым гребнем. Лично я так делаю каждое утро, сразу после пробежки в два круга по внутреннему периметру стен монастыря. Третий круг пока не получается – территория огромна, и плотно застроена жилыми, «административными» и оккультными зданиями. Храм, куда мы все регулярно ходим, прекрасен: белоснежные стены венчаются сияющими на солнце куполами. Как говорят местные – благостно!

Еще я каждое утро веселю монахов своими «упражнениями» у полной дождевой воды бочки перед жилым корпусом, в котором расположена моя келья. Умываюсь я очень тщательно, не стесняясь даже прилюдно, пусть и прячась между штабелями дров и стенкой соседнего корпуса – здесь меня почти не видно – при помощи деревянного ведра с веревочной ручкой и ковши омывая даже то, что обычно моют в бане, которая здесь раз в неделю. После этого – возвращение к бочке и жалкие попытки почистить зубы при помощи «распушенной» молодой ветки дерева, воды и куска ткани, который я мочу в воде, наматываю на палец и тщательно протираю зубы со всех сторон, усиливая эффект «чистки» веточкой.

В конце забрасываю в рот немного листьев мяты, которая в обилии растет по всей Святой Руси. Антибактериальный эффект и свежесть дыхания гарантированы! Вечером и в середине дня, после обеда, я стараюсь повторять эту процедуру, а если нет возможности – хотя бы полощу рот чистой водой.

Дурной пример, как известно, заразителен, и сегодняшним утром вместе со мной чистил зубы пяток мальчишек – все по возрасту годятся в начальные классы, а здесь – в слабенькие и бестолковые работники формата «подай-принеси».

Грустно – деток в монастыре много, и это не потому, что они с малых лет решили посвятить жизнь Господу, а потому что идет война. Стоящая у ворот и просящая приютить женщина с группой детей (частью свои, частью «прибившиеся» сироты) нередкое зрелище. Братья монахи честно пытаются помогать беженцам – давать временный приют, кормить, вести успокаивающие беседы, но монастырь-то не резиновый. Другое очень печальное зрелище – это когда выбравшие лимит на пребывание в монастыре, сгорбившись от тяжелой доли, бредут из монастыря в неизвестность.

И рады бы монахи вообще всех и навсегда приютить, да физически не могут. «Квота на беженцев» в подконтрольных деревнях давным-давно выбрана, все способные трудиться сейчас или хотя бы через пару лет, когда подрастут, осели там в «приемных» семьях на правах батраков, а в самом монастыре теснятся как могут, давая как можно более длительный приют хотя бы детям.

Учат в меру сил даже – уроки чтения, письма да счета (последнего в основном, это полезнее) не останавливаются весь день. Деток за недостатком оборудованных классов учат в основном на открытом воздухе, на полянках за монастырскими стенами, чтобы не мешать тем, кто трудится внутри.

Ребята, однако, молодцы – зубки беречь надо даже молочные, потому что они потом заражают нехорошим коренные. Когда репутация позволит, начну пытаться приучать к этому и

взрослых, а пока раздаем маленьким умницам по мелкой монетке из своих запасов. Они об этом обязательно расскажут всем, кому можно, и завтра утром я смогу оценить эффект.

– Напрасно ты это сделал, грек, – прокомментировал батюшка Никодим, сидящий неподалеку на чурке для колки дров. – Завтра все сбегутся, а когда у тебя монеток на всех не хватит, обделенные начнут требовать – мол, должен ты им. Нехорошо получится, обид будет много.

– Не «грек», а Гелий, батюшка, – вежливо поправил я. – Жалко деток очень.

– Очень, – признал Никодим. – Но то, что ты сделал, это не помощь, а медвежья услуга.

– Спасибо за совет, батюшка, – поблагодарил я. – Ежели плохое случится, это на моей совести будут, и разбираться с последствиями тож мне.

– Да я что, мое дело маленькое, – пожав плечами, он поднялся с чурки. – Я-то не иностранец с мешком денег и расположением батюшки келаря, – отправился куда-то по своим делам.

Ну вот, стоило совсем немного «высунуться», уже появились завистники. Никодим же не один такой – монахов много, и им тоже, полагаю, не очень-то приятно видеть как де-факто второе в монастыре лицо якшается с инородцем. Дело тут, впрочем, не в происхождении – просто я здесь новенький, случайно попавший, а ко мне вот такое внимание. Ну завидно!

Сейчас пойдут по монастырю разные небылицы обо мне, и во всех я буду получаться моральным уродом, тупицей и вообще нехорошим человеком. А там и до заговора недалеко. Нет, травить или убивать другим способом монахи меня не станут, но некоторые проблемы причинить могут. Буду держать это в голове и соблюдать осторожность.

Главная деятельность монахов – это молитва. Службы в храме идут одна за другой, днем и ночью. К счастью, я – не монах, и мне посещать нужно только заутреню с вечерей: первая начинается примерно в четыре часа утра и длится до семи – сейчас туда и отправляюсь. Из-за кухонной суеты лег я вчера поздно, почти в десять вечера, и поэтому ощущаю легкую сонливость. Вместо будильника я припахал послушника, который дежурит ночью в жилом корпусе, иначе хрен бы на зарядку и омовение встать вовремя смог.

Длинная служба привычна и моему телу, и собственно мне – не зря в прошлой жизни в храм ходил. Пение монахов, запах ладана, синхронное наложение крестного знамения – все это погружало в своеобразный транс, по истечении которого я всегда ощущал душевный подъем. Просит русская душа соборности, и это – правильно.

Привычка завтракать существует не во всех монастырях, но в нашем игумен имеет склонность ко греху чревоугодия, поэтому у нас он есть, и мне нужно на кухню, проследить за процессом. Иду не один, а в компании кухонных работников во главе с моими «патронами»: батюшкой келарем и поваром Михаилом. Нервничают:

– Хлеба напечь да яички сварить дело нехитрое, да только управимся ли ко времени?

– Перед обедом нервничать нужно, щас-то ничего, хлеба напечь и вовсе без кухни можно, был бы огонь.

По поводу переоборудования очагов в нормальные печи я с батюшками говорил, но эта новинка в жизнь воплотится еще не скоро: это же, считай, самых опытных поваров переучивать придется, а они с их безбожно коптящими очагами – основа кухни. Блин, а ведь не на батюшку келаря ополчатся, а на меня. Каждое нововведение – это обиженные монахи, чья профессиональная гордость была нещадно попорана инородцем. Ладно, будем надеяться на «крышу» в виде того же келаря, а в перспективе самого игумена. Последний в полном смысле важная фигура, потому что не только управляет монастырем, но и удостоивается почести представлять нашу Церковь за границей.

На самом деле мне даже интересно на что способны обиженные монахи в борьбе с элементом хаоса в своем отлаженном годами быте. Интриг я не боюсь: на примере батюшек келаря и Михаила, подкрепив это воспоминаниями о диалогах между «богатырями» во время моего путешествия на телеге, я убедился в том, что предки далеко не глупы. Да, у них нет системного

образования уровня конца XX века, они знают об окружающем мире намного меньше, чем любой подросток из моих времен, но само то, *как* они говорят, заставляет понять многое.

Их речь медленная, но не потому что они плохо умеют складывать слова в предложения, а потому что взвешивают каждое свое слово и честно обдумывают со всех сторон то, что им говорит собеседник. Привыкшему к высоким скоростям вообще во всех сферах жизни мне очень непросто дается такой ритм. Того же батюшку келаря мне неоднократно хотелось потрясти за плечо с просьбой не залипать и разродиться уже ответом, а то время-то идет.

Время – вот ключ. Окружающий средневековых русичей мир цикличен, строго подчинен смене времен года, и оттого торопиться им нужно только во время работы. Они словно сливаются с самим средневековым русским бытием, «растворяясь» в нем без остатка. Цикличность – это не только про природу, но и про великий круг жизни. Безусловно веря в загробную жизнь, средневековые русичи, пусть и стараются протянуть в земном мире как можно дольше, в целом не торопятся – зачем, если жизнь всего лишь пролог перед Вечностью?

Сказывается и так сказать эволюционный момент: люди со слабым здоровьем в этом времени не выживают совсем. Мозги – другой, требующий дальнейшего изучения вопрос, но в целом можно сделать промежуточный вывод: все взрослые люди в эти времена представляют собой лучший генетический материал, который нашелся в их родителях в момент зачатия. Исключения, конечно, есть – люди с синдромом Дауна например: в нашем монастыре один такой трудится водоносом, здоровенный парень лет семнадцати. Его все любят. Не только из Господом завещанного, исходно-доброе расположения к «юродивым», но и за безобидный характер и открытый, звонкий смех в ответ на нехитрые шутки.

Есть и обыкновенные инвалиды: например, безногий дядька Савелий, который трудится плотником и собрал для себя маленькую деревянную платформу с колесиками, на которой он лихо гоняет по монастырю. Для него даже доски поверх крыльца в «плотницком» жилом крыле, столовой и храме положили, навроде как пандусы.

К сожалению, не все такие как водонос-Юрка и дядька Савелий: на попечении монахов имеются и совсем беспомощные люди. Что тут скажешь? Не повезло, и спасибо тем, кто заботится о ближних. В будущем, когда деньги появятся, приют для таких людей открою, потому что небольшой сбой в генах или несчастный случай, и я легко мог оказаться на их месте.

Из храма до кухни я шел не один, а в компании кухонного персонала, которому было интересно:

– А скажи-ка, грек, – подкатил ко мне монах Андрей, тощий, сутулый из-за легкой степени сколиоза, красующийся жиденькой бородкой и бородавкой на носу мужик лет двадцати семи.

– Гелий, – с улыбкой перебил я.

– Гелий, – согласился тот. – Скажи-ка, Гелий, а не слышал ли ты вчера ночью чего?

– Я в полночь почти лег, – развел я руками. – Как в яму темную провалился, не то что не слышал чего. А почему ты спрашиваешь, батюшка Андрей? Случилось чего?

– Да ты в голову не бери, – не захотел он делиться инфой. – Это наше дело, маленькое, а тебе своими заниматься должно.

Пренебрежение средневекового монаха задело. Ишь ты, командир нашелся, будет мне тут рассказывать, где я и чем заниматься должен. Но виду подавать не стану – может это вообще простенькая провокация на предмет прощупать мою реакцию и лишний раз напомнить: я здесь чужой.

– Спасибо за добрый совет, батюшка, – благодарно кивнул ему я.

– А скажи-ка, Гелий, – подкатил с другого бока тощий (это почти у всех здешних обитателей общая черта), чернобровый и кучерявый (актуально и для бороды!), обладающий круглым, добродушным лицом монах Павел. – Ты в каких землях бывал?

Это уже нормальный разговор – любопытство, как известно, не порок.

- В оттоманских родился и вырос, батюшка, больше не бывал нигде.
- В Царьграде? – с жадным интересом заглянул Павел мне в лицо.
- В Царьграде, батюшка, – подтвердил я.

Если на этом остановиться, Павел может обидеться, решив, что я не хочу с ним разговаривать. Но поговорить я не против, поэтому идем на контакт:

- Рассказать о нем, батюшка?
- Расскажи, – оживился он.

Не только Павлу интересно – монахи, прислужники и трудники уплотнили строй вокруг меня и отложили собственные разговоры. Даже Андрей уши наострил, хотя он меня не любит. Люди – всегда люди, даже если всю жизнь провели в монастыре. Скучно здесь, и любой иностранец, путешественник или хотя бы врун с богатой фантазией является источником интересностей.

– Оттоманской Империей правит Султан Сулейман-хан, – начал я излагать те немногие обрывки знаний, что помнил из учебников и роликов по истории (очень хорошо, что я был большим любителем последних) и обрывков разговоров местных жителей, что особенно актуально для персоналий, потому что имя турецкого султана я узнал от «богатырей». – Магометане считают его тенью Аллаха на земле, да смилоствивится Господь над их заблудшими душами, – перекрестились. – А сам Царьград под магометанским игом стал тенью самого себя, – скорбно вздохнул. – Поэтому я расскажу тебе не о городе, где я вырос, а о том, каким он был во времена моего деда, – я зажмурился и вытянул руки к небу, глубоко и с широкой улыбкой вздохнув. – Царьград – величайший город мира. Древние соборы и храмы, длинные, извилистые улочки, всегда полные народу. Царьград – город торговый. На прилавках торговцев можно найти товары со всего мира: специи из Индии, фарфор и шелк из Китая, оружие и доспехи тончайшей работы французских и испанских мастеров, дивные картины итальянских художников... – открыв глаза, я продолжил, активно жестикулируя. – Сам город – это треугольник, окруженный мощнейшими стенами Феодосия, кои веками обороняли Царьград от врагов. Главное его чудо – Собор Святой Софии. Под его куполом, словно парящим на невидимой силе, кажется будто стоишь в самом центре мироздания. Золото мозаик, мерцание ламп... Я слышал, что Государь Всея Руси строит или уже построил великолепный собор? – исчерпав запас красноречия, решил дать поговорить монаху.

– Государь преумножает наследие своих предков и, будучи человеком набожным и удачливым в битвах, строит храмы в честь побед Русского воинства, – ответил Павел. – Полагаю, ты имеешь ввиду деревянный храм Покрова? Не жди многого – как и все храмы на Руси, благолепие его велико, но построен он из дерева и от этого простоват.

Ясно, Собор Василия Блаженного либо строить еще даже не начали, либо Павел о том не знает.

- Точно не знаю, – признался я.

– В Москве много красивых и величественных храмов, можешь выбрать любой, – подбодрил меня монах.

Окружающие рассмеялись, и я посмеялся вместе со всеми. Сплачиваемся, русичи!

- А что же, Гелий, плохо под султаном-то живется? – спросил другой монах.

Этот молодой, явно недавно постриг принявший.

- Прости, батюшка, имени твоего не знаю.

Молодому монаху такая вежливость понравилась, и он с удовольствием представился:

- Софроний, Димитриев сын.

– Так вот, батюшка Софроний, – начал я ответ. – Султан, даром что магометанин, наследие Византийское старается беречь, и храмы Православные тоже. Двор султана роскошен, но роскошь это чужая, награбленная. Христианам под ним живется несладко – нас считают людьми... – а как заменить слово «второсортный»? – ...Низшими, – пойдет. – И относятся

соответственно, почти как рабам или слугам. За право жить в Оттоманской империи мы платим особый налог «на веру» деньгами и кровью, отдавая своих детей в услужение султану: они становятся воинами или слугами.

– Помоги им Господь, – сочувственно вздохнул Павел, и мы все вместе перекрестились.

– Мой дед говорил, – продолжил я. – «Первый Рим впал в ересь и был разграблен варварами. Второй Рим – наш Царьград – взят и погран магометанами. Но есть далекая северная страна Русь, хранящая веру в чистоте. Там будет Третий Рим, и четвертому не бывать».

Известная каждому русскому человеку в моем времени формула привела монахов в восторг. Есть у моего народа одна черта – он очень любит, когда его хвалит иностранец. Я вижу в этом некоторые коллективно-бессознательные комплексы: живя по сути на окраинах Европы, русским людям очень хочется, чтобы их перестали считать дикими северными варварами.

А «третий Рим»-то и вправду не пал, как не пытались другие «наследники Рима» его уничтожить. Ежели пережил он страшный XX век, значит и дальше, вплоть до выхода человечества в космос и колонизации либо до самой гибели человечества как такового и по-прежнему дотянет.

На самом деле я могу вообще ничего не делать, а Русь с миром вокруг нее будет жить как жила: Иван Грозный будет крепить вертикаль власти и строить коварных бояр, воевать с Ливонией вплоть до страшного слова «оскудение» и еще более страшного «смута». Будет литься кровь, крестьяне будут сажать хлеб, недобитые царем бояре бороться за трон, а потом, спустя пару столетий, случатся три страшные войны – Первая, Гражданская и Вторая. Затем, к исходу СССР, то же самое «оскудение» примет новую форму, а оставшаяся в глубинах веков Семибоярщина сменится Семибанкирщиной, но Русь, та самая, унаследовавшая Православную веру от самой Византии, будет жить!

Воистину – четвертому Риму не бывать, и здесь, в этом времени, в окружении свято верующих в Господа и Русь, не испорченных более сытыми, гуманными, но при этом, как ни странно, более бесчеловечными временами людей, я впервые по-настоящему осознал истинную мощь этой формулы: «Москва – третий Рим, а четвертому не бывать!».

Глава 6

Напечь хлеба – дело нехитрое, поэтому кухонный персонал, несмотря на откровенно нарочитые проволочки одних, «испанскую забастовку» – это когда все делается правильно, но очень медленно – других и недовольное бурчание третьих к завтраку успел с запасом в час. Перебдел все-таки батюшка келарь, а монастырские повара, насколько бы им ни были противны перемены, себе не враги, и откровенно саботировать процесс на глазах Богоданного начальства не стали.

Батюшка келарь в Бога верит крепко, а вот в людей, походу, не очень, потому что на оставшийся час мы с ним и Михаилом осели на табуретках в уголочке с видом на готовый хлеб, отправив соответствующих работников подальше – на другой конец кухни, к обеду приготовления вести – а остальных и вовсе выгнав «до времени».

– Обед смотреть надобно, но покуда работает, – осторожно оценил батюшка келарь.

– Сейчас братья привыкнут, и станет намного лучше чем было, – повторил я то, что уже многократно озвучивалось. – А когда вы добро на другие придумки дадите, станет и вовсе благостно.

– Давай чего-нибудь простое, – не утерпел батюшка келарь. – Чтобы уклад привычный не ломать покуда.

Человек все же, не говорящая функция, а любопытство не только не порок, но и неотъемлемая черта человеческого характера.

– Можно этакую печку сложить, у нас она «тандыр» называется, – выкатил я предложение. – Простая штука: нужно в земле яму вырыть особую, глиною огню не поддающуюся снутри обмазать, тряпицей мокрой накрыть и оставить дней на десять, чтоб высохла. Сейчас лето, тепло, поэтому даже хворост для просушки жечь не придется.

– А дальше? – спросил Николай.

– А дальше можно в ней лепешки печь, – пожал я плечами.

– Как-то оно в земле хлеб выпекать... – пошевелил в воздухе руками батюшка. – Чай не черви. Может иначе можно?

– Можно, – не был я против. – Кирпич нужен навроде того, что в горнах железодельных пользуют, чтоб жар держал хорошо, да раствор под них такой же, от жара не рушащийся.

– Это у нас есть, – похвастался Николай.

– По вашему слову готов помочь каменщикам сложить, – вызвался я.

– Некуда спешить, – одернул келарь. – И что же, хороши ли с этого «тындыра» лепешки?

– Очень, – не стал скрывать я. – Корка получается хрустящая, румяная, низ – потверже. А запах какой! – втянул носом, зажмурившись от удовольствия.

И без лепешек аромат на кухне, если пренебречь гарью очагов да лучин, прекрасный – свежих хлебушек вам не ароматизатор химический, от его запаха на самой душе теплеет!

– Оposля обеда строить начнем, – решил келарь. – Илюшка, подойди, – повысив голос, вызвал к нам монахов. – Ступай к Ярославу, каменщику, путь готовит раствор да кирпичи кузнечные.

– А арматура? – влез я.

– А зачем тебе арматура? – удивился келарь. – С кем воевать собрался?

Не понял.

– Слово неверное подобрал видать, батюшка. Что на Руси арматурою зовется?

– Сбруя воинская – шелом, доспех, наручи да прочее все вместе арматурою зовется, – пояснил Николай.

Ясно. Стоп, а с чего я решил, что арматура в строительном смысле здесь вообще используется? У них же не такой бетон, мало стали, и вообще – тот раствор, что применялся в моем

времени не даром «железобетоном» звался. Эх, мне бы Васильича сюда, он про строительство все знает, недаром самый уважаемый девелопер нашего района.

– Неверное, – покивал я. – Я о другом спрашивал – о том, чем раствор крепят в основании зданий.

– А, деревяшки в фундамент! – поразил меня келарь знанием термина.

С другой стороны, чему удивляться? Обряд у нас тут греческий, но латынь вполне известна – мастера-архитекторы и прочие не первый год на Русь поработать приезжают, вот и принесли.

– Они, батюшка, – подтвердил я.

Нету арматуры, только «деревяшки». Запомним.

– У нас чаще «основанием» или «подошвою» фундамент называют, – продолжил урок древнерусского языка Николай. – Свои-то слова они как-то привычнее да правильнее.

– Запомню. Спасибо, батюшка келарь.

– Батюшка Николай уж тогда, – шутливо приосанился келарь. – А то я-то тебя по имени зову, а ты мне «келарь» да «келарь».

Репутационный левел-ап, как в тех богомерзких японских играх, в которые играл мой горе-сыночек: там девок рисованных на свидания водить нужно, называется – «романсить». Нет бы с живой девушкой уже сойтись, тьфу! Ладно, я сам виноват – надо было воспитывать нормально.

– Спасибо, батюшка Николай, – поблагодарил я келаря за оказанную честь.

Под дальнейшие разговоры про тандыр и его преимущества – дрова экономит, хлебушек запекается быстро и так далее – время до завтрака пролетело быстро, и мы втроем контролировали процесс нарезки, сервировки и «подачи» хлебушка на столы. Запивается это все квасом да киселем. Первый плюс-минус такой же, потому что рецепт почти не изменился, а вот второй отличается от привычного мне совсем. Здесь он не сладкий, потому что «квасится» (точнее – «киселится») из злаков. В нашем случае – ржи, но на Руси в большом почете и овсяный с гороховым. А еще он не вязкий, а густой настолько, что его впору резать ножом. Проходит по категории «еда», и насчет «запивать» это я по привычке: кисель можно найти почти в каждом доме, и он составляет изрядную долю рациона средневековых русичей. Монастырь – не исключение, и кисель здесь сопровождает каждый прием пищи. Кисель настолько важен, что я пару раз слышал от окружающих в обоих временах (пусть в XXI веке кисель свои позиции и сильно утратил) поговорку «с ним и в могилу».

Ну а квас столь же повседневен, как и кисель, но является полноценным напитком. По всей Руси его пьют цистернами, гораздо охотнее, чем воду – предки люди наблюдательные и конечно же заметили, что шанс подхватить желудочно-кишечное заболевание от воды куда выше, чем от кваса.

А какое разнообразие! Только в одном нашем монастыре варят хлебные (очевидно), ягодные – сейчас, кстати, сезон ягод, и мы регулярно ими лакомимся – яблочные, грушевые и несколько видов «пряного» кваса: с мятой да хмелем. Отдельные, склонные ко греху послушники да трудники (а еще крестьяне, за которыми никто особо не присматривает) порою перегоняют квас, получая алкогольный его вариант, который так и называют – «крепкий квас». Но это уже, конечно, не ежедневный напиток для всех от мала до велика.

Завтрак прошел как обычно, под чтение «поучений» дежурным монахом. В отсутствие «богатырей» право сидеть за одним столом с самим игуменом я утратил, но батюшка келарь, не забыв своего обещания подтащить меня повыше по социальной лестнице выбил мне местечко за вторым по почету столом, где сидят важные для монастыря ремесленники да опытейшие повара во главе с Михаилом. С краешка сижу, да, но это лучше, чем коротать трапезы с послушниками. Нет, они отличные, добрые люди, но мне бы к элите, там мне привычнее. Да я самому Президенту на бизнес-форуме руку жал, грамоту от него имею за вклад в развитие района, и

это не считая совершенно неприличного количества наград от губернаторов и мэров, а меня с гольтьбой в один ряд ставили! Нет уж, мне надо вон туда, «одесную» от самого Его Высокопреподобия, да чтобы он сам мне в тарелку лучшие кусочки подкладывал!

Хотя бы потому, что сам их прожевать не может из-за проблем с зубами – батюшке игумену специально нарезают и трут продукты помельче. Улыбнувшись, я с удовольствием вгрызся в краюху хлеба – есть у меня одна идейка как сильно понравиться Его Высокопреподобию, нужно только с кузнецом потолковать, справится он или нет.

***

К моменту, когда мы уселись обедать, я был мокрый как мышь, привычно-«копченый» от дыма очагов и уставший настолько, что с ужасом думал о том, что завтра этот кошмар повторится.

Хороший запас времени позволил нам не опозориться, заставив Его Высокопреподобие ждать обеда. Но какой ценой! Ладно, «ценой»-то невеликой: так, немного стандартных порезов, парочка закончившихся синяками столкновений между непривычными к новой планировке послушниками, обильное бурчание опытных кухонных работников, которым все эти перемены вообще не уперлись и все мои ментальные и физические силы.

Если бы отдельные бородатые личности меня откровенно не стебали, прося помощи в нахождении висящего прямо перед их глазами инвентаря и по другим надуманным поводам, я не вымотался бы так и на треть. Стебут, сволочи, валенками топорно прикидываются, но приходится держать лицо и делать вид, что я этого не замечаю. Батюшка келарь на происходящее взирал отстраненно, то ли как своеобразное испытание меня воспринимая, то ли армейский принцип «инициатива имеет инициатора» зародился нифига не в Красной армии.

Сейчас Мясоед, а батюшка игумен имеет некоторую склонность к чревоугодию (уверен, он очень усердно отмаливает этот грех), поэтому питание сейчас трехразовое. С ужином проблем не будет – там в меню хлебушек с киселем да остатки овощей с обеда. Нормально, жить можно – по паре часиков борьбы с толоконными монашьями лбами в день я легко выдержу.

После обеда обитатели монастыря работают, как, в принципе, и все остальное свободное от Служб, сна и приема пищи время. Наша закадычная троица новаторов и рационализаторов пищевого производства – не исключение. Батюшка келарь привел нас на внутренний двор «столового» здания, где послушники при помощи досок, столбов и жердей огораживали дальний уголок, чтобы никто тандыра не увидел раньше времени. Правильно: дела тишину любят, особенно новые и полезные.

– Ярослав, Ярослава сын, – представил низкорослого, но компенсирующего это завидной шириной плеч и очевидной с первого же взгляда силой волосатых ручищ русоволосого бородача лет тридцати батюшка келарь.

Натуральный дворф!

– Лучшего каменщика во всей округе не сыскать, – отрекомендовал «дворфа» Николай. – Отрока сего, – кивнул на меня. – Гелием зовут, он на «грека» обижается.

Каменщик ухмыльнулся, а я фыркнул – юморист, блин.

– Здрав будь, Гелий, – протянул мне каменщик лапищу.

Не сломал бы.

– И ты здрав будь, Ярослав, – протянул я в ответ.

Каменщик сжатием мою тщедушную ладошку проверять на крепость не стал – полагаю, потому что неспортивно.

Одет Ярослав в классическую одежду послушника – длинный, до пят, наглухо застегнутый подрясник с узкими рукавами и стоячим воротником из некрашеного сукна-сермяги темно-серого цвета. Статус лучшего каменщика, тем не менее, в его одежде подчеркивался: поясом с почти незаметными узорами тонкой золотистой нитью и поршнями на ногах. Это

такие современные кожаные ботинки, средняя по стоимости и статусу обувь между лаптями и нормальными сапогами или чоботами.

Как и все остальное в Церкви, одежда послушника имеет символическое значение. Во-первых – демонстрация смирения через согласие носить то, что выдали. Грубость и износостойкость ткани в совокупности с практичным кроем служат «знаком труда», ибо такая одежда трудиться не мешает. Та же грубость ткани еще служит таким испытанием – ежели способен ее безропотно носить, значит готов к лишениям монашеской жизни. Ну а простые, темные цвета напоминают о тленности земного бытия.

– Гелий из Оттоманских земель к нам прибыл, – продолжил знакомство Николай. – Привез оттуда печку иноземную, сказывает, хлеб в ней изрядный получается.

– А где? – посмотрел по сторонам каменщик.

– Вот сложишь, тогда и найдешь, – хохотнул батюшка келарь.

– А, в голове принес! – догадался Ярослав. – Начертить сможешь? – кивнул на землю.

– А уже, – ответил батюшка келарь и извлек из сумы берестяной свиточек.

В промежутке между суетой «завтрачной» и «обеденной» нацарапал «в разрезе».

– Печка, значит? – одной рукой держа чертеж перед сощуренными – «резкость наводит» – глазами, а другой задумчиво поглаживая бороду, уточнил Ярослав.

Пока мы знакомились между собой и с чертежом, трудники с послушниками успели натаскать в наш уголок кирпичи, доски, деревянные кадки со следами прежде замешанных в них растворов и все остальное из того, что «заказывал» батюшка келарь.

– Печка, – подтвердил я. – Но очень жаркая.

– Долгая работа, батюшка Николай, – выдал заключение Ярослав. – Ежели благословишь, до Вечерни образ из дерева при помощи Василия-плотника справлю, а завтра уж с молитвою за основание примемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.